

**Французская речь в последнем томе романа
Л.Н.Толстого «Война и мир».
Дискурсивный анализ одного послания Наполеона**

Современная русская литература в лице писателей, которых называют авангардными (Вен. Ерофеев, Вик. Ерофеев, Евг. По пов, Ал. Сорокин), часто адресует читателей непосредственно к языку, на котором она написана. Это значит, что писатели задерживают внимание своих гипотетических собеседников на отдельных словах и выражениях, предложениях и присловьях, новой лексике и архаизмах. Можно сказать, что они организуют нам очную ставку с тем, что асимметрично, угловато и выпадает из руслу при вычного разговора. Однако интерес к живой пульсирующей речи совсем не такая новость. Русской литературе он всегда был свойствен и привычен. Скорее, прежде читатели просто не обращали внимания на непосредственный интерес писателя к языку.

Вглядываясь в четвертый том «Войны и мира» Льва Толстого, где речь идет о 1812 годе и событиях Бородинского сражения поражаешься тому, до какой степени автору интересна игра с языком, как любопытны ему различные языковые стили, смены регистров «диалогах, столкновения русского с французским. Это подчеркивали многие критики, в особенности Б. Эйхенбаум, считавший, что Толстой смешивает повествовательные и толковательные жанры, потому что в художественном отношении он не удовлетворен прежними формами и постоянно ищет новых¹.

С событиями, развернувшимися в 1812 г. в Бородино, большинство соотечественников знакомо именно по роману Л.Н. Толстого «Война и мир», четвертый том которого исключительно им посвящен (*канун и дни «до и после» Бородинского сражения*). Об этом написано немало книг и исследований, рассказывающих как о творческой биографии писателя, так и том, что им создано. Широко известно, что писатель сам перевел многочисленные вкрапления в романе французской речи на русский и сделал это в тот момент, когда решил изменить первоначальную структуру книги, переделав шесть томов в четыре.

Предлагая разговор о дискурсивном анализе одного послания Наполеона у Толстого, остановимся сначала на определении дискурса. Слово это имеет различные толкования, но в последнее время его используют для обозначения того, с чего начался разговор — *живой, пульсирующей речи, речи, погруженной в жизнь*. В «Лингвистическом словаре» дискурс определяется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, психологическими и другими факторами; «текст, взятый в событийном аспекте».

Открывая четвертый том своей эпопеи «Война и мир», русский классик сразу погружает читателя в определенную *языковую среду*, где, как он выражается, происходит «*трубение придворных трутней*». Столь выразительная метафора при всем своем лако низме имеет характерный признак стиля Л. Толстого²: повторение (дважды) понравившегося ему слога, слова или выражения. В данном случае мы имеем дело с повторяющимся слогом — *тру-тру*, а значит, своего рода звукописью, расшифровывающей смысл слова «трубение», неологизма Толстого. В словаре В. Даля есть: «*трубить*», одно из значений которого «*трезвонить, разглашать шум: кто во что горазд, тот в то и трубит*»; но есть также слово «*трубенка*» — понятие из пчеловодства, означающее рой из улья, последний рой.

В пресловутом салоне Анны Павловны Шерер читается вслух письмо преосвященного, написанное при посылке государю об разе преподобного угодника Сергия. «*Искусство чтения, — писал Л.Толстой, — считалось в том, чтобы громко и певуче между отчаянным завыванием и нежным ропотом переливать слова, совершенно независимо от их значения, так что совершенно слу чайно на одно и то же*

слово попадало завывание, на другие ро пот»ⁱⁱⁱ. Письмо зачитывал князь Василий, и оно почиталось образцом патриотического и духовного красноречия. В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что эта реплика из глубоко уважаемого классика по характеру своему принадлежит области красноречия, ибо разговор о чтении заставляет нас ориентироваться в *семиосфере*. Иными словами, Лев Толстой, не зная о том, что текст — это продукт языковой системы, обучает нас умению разводить значение и смысл, т. е. *структуре и семантике текста*. Он и писатель, он же и критик *нормы речи* в определенной *среде*. Обратите внимание на последние слова преосвященного: «Пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях смертоносные ужасы; кроткая вера, сия праща Российского Да вида, сразит внезапно главу кровожадущей его гордыни...»^{iv} В ответ на эту *псевдопатетику* библейского содержания по-французски произносятся хвалы сочинителю: «Quelle force! Quel style» (Какая сила! Какой слог!)

Общее мнение выражено по-французски. Шла война, а горожане (и москвичи, и петербуржцы) продолжали посещать французский театр, слушали французские водевили, увлекались французскими актрисами. Лев Толстой пишет о тех временах, которые называют иногда *пушкинскими*, имея в виду не только начало расцвета великого русского поэта, но также и то, что употребление французского языка для той эпохи было весьма *органично*. Как говорят лингвисты, оно *не* было *маркировано*, т. е. не бросалось в глаза, было вполне естественным. Сам же Л.Н. Толстой жил и работал в другое время, поэтому и употребление французского героями (и русскими, и французами) в романе написано с позиций этого другого времени. Однако писатель никогда не отказывался от того факта, что французская культура и в его время оказывала влияние на традиции его семьи, той среды, к которой она принадлежала. В Ясной Поляне французская музыка, книги и беседы, сколько он себя помнит, всегда были частью повседневной жизни. С точки зрения Толстого, знакомство русского дворянина с лучшими образцами французской культуры было постепенным и естественным процессом и никоим образом не уничижало русскую сущность, но обогащало аристократические качества ума и духа.

Тема французской культуры и французского языка в «Войне и мире», по мнению Б. Эйхенбаума, имела два аспекта. С одной стороны, автор эпопеи хотел высмеивать и критиковать славянофилов, «чистых русских», людей с сильной волей и стойким сердцем, но невежественных во всем, что касалось Западной Европы и всякого образования. Одновременно ему нужно было утвердить образ образованного русского помещика в противопоставлении тенденциям, господствовавшим в изображении русских дворян в литературе того времени. Ведь либералы-западники рисовали помещиков преимущественно как жестоких и невежественных деспотов^v.

Сам французский язык, как отмечает Б. Успенский, «нужен автору "Войны и мира" не столько для соотнесения с реальной действительностью (описываемой в произведении), сколько как технический прием изображения». Писателю необходимо пере дать индивидуальность стиля говорящего^{vi}.

Передача французской речи объясняется также и тем, что Б. Успенский называет *позицией объективного наблюдателя*. Следя за своими персонажами, автор протокольно, со всей возможной точностью, фиксирует услышанное, обращая внимание на *фонетические особенности* речи действующих лиц и *семантику* произведений.

Рассмотрение случаев употребления *французской речи в прямой речи* действующих лиц «Войны и мира» показывает, что французская или русская речь вовсе не всегда обусловлены тем, на каком языке данное лицо действительно (в представлении автора) говорит в соответствующий момент, — но может иметь и чисто функциональные задачи, непосредственно связанные с *проблемой авторской точки зрения*.

Что имеется в виду под проблемой авторской точки зрения? Авторская точка зрения — это один из возможных подходов к вычленению структуры произведения. Проблема точки зрения имеет отношение к тем видам искусства, произведения которых по определению *двуплановы*, т. е. имеют выражение и содержание (изображение и изображаемое). «Точка зрения» может иметь идеологический и фразеологический уровни. *Идеологический* уровень плохо доступен формализованному исследованию.

Фразеологический — план речевой характеристики — единственный, позволяющий проследить смену авторской позиции.

Например, мы читаем о том, что Кутузов посылает государю с официальным известием *полковника Мишо*. Лев Толстой характеризует его следующим образом:

«Мишо, не знавший по-русски, но *quoique étranger, Russe de coeur et d'âme* как он сам про себя говорил» (хотя иностранец, но русский в душе).

В данном случае через фразеологическую характеристику на французском языке выражена определенная авторская позиция. Было много людей, разговаривавших по-французски, и даже французов, сочувствующих и преданных России. В этой точке зрения Льва Толстого и дальнейших фразеологических характеристиках этого персонажа подчеркнуто идейное мировосприятие Льва Толстого. С этнопсихологической точки зрения он отнюдь не торопится создать *образ врага*. Это его *credo* и идеология.

Та же фразеологическая характеристика повторяется чуть ниже:

«Мишо - *quoique étranger, mais Russe de coeur et d'âme – entousiasme par tout ce qu'il venait d'entendre*»

(Мишо, хотя иностранец, но русский в душе, почувствовал себя воодушевленным тем, что только что услышал.)

Речь идет не об обращении *maman, papa* или *ma tante*, а именно об отдельных содержательно значимых словах:

- Укрепление Кремля, для которого надо было скрыть *la Mosquee* (так Наполеон называл церковь Василия Блаженного), оказалось совершенно бесполезным... (*mosquee, ж.* — мечеть);

- Убегая из Москвы люди этого войска захватили с собой все, что было награблено. Наполеон тоже увозил с собой свой собственный *tresor* (*tresor, м.* - сокровище).

Лев Толстой перевел слово *tresor* как «сокровище», но мы знаем, что он имел в виду тот знаменитый обоз, который частично утонул при переправе через Березину. Золото и серебро, бывшее в этом обозе, ищут и до сих пор.

- Вам кого, сударь, надо? — сказал голос из темноты. Петя сказал, что того мальчика француза, которого взяли нынче.

- А, Весеннего? — сказал казак.

Имя его *Vincent* уже переделали казаки в *Весеннего*, а мужики и *Висеню*. В обеих переделках это напоминание о *весне* сходилось с представлением о молоденьком мальчике.

Автор использует разные позиции при обозначении (наименовании) одного и того же лица. В данном случае эти позиции сходятся.

Следует также отметить эволюцию наименований Наполеона, отражающую перемены общества в отношении к самому Наполеону. Сначала его начинают *Bonaparte* (подчеркивая его нефранцузское происхождение). Князь Андрей зовет его *Bonaparte* (без *u*), а Пьер в противоположность называет его *Наполеоном*. Потом его называют *chef du gouvernement francais* — главой французского правительства, иногда *le Grand Homme* — великим человеком, иногда *l'empereur francais* — французским императором. В четвертом томе «Войны и мира», где речь идет о командующем французской армии ей, Наполеона называют *Sir, Votre Majeste*. В ставке Кутузова его зовут *Наполеон*, в обществе и великосветских салонах звучит слово *узурпатор* или, как было сказано выше высшим придворным языком, *дерзким и наглым Голиафом от пределов Франции*^{vii}.

Толстой щедро, не задумываясь об излишках, вплетает в текст своего романа многочисленные *деловые бумаги и записки, постановления и известия*. Именно они вызывают особый интерес, по тому что помогают тому, что мы выше обозначали как дискурсивный анализ — *рассмотрению текста и событийном аспекте*. Если письмо преосвященного, прочитанное в 1-й главе четвертого тома акцентирует и нюансирует нам его *лжепатетику* (в речевом варианте, в устах посетителей салона А.П. Шерер), то *записка Кутузова* во второй части тома лаконично обозначает победу: «Русские не отступили ни на шаг, французы потеряли гораздо больше нашего».

Таковы первые слова (Кутузова), на основе которых было составлено мнение о

победе русского войска.

В последующих главах мы последовательно встречаемся с мно гочисленными официальными письмами, указами, донесениями, провозглашениями, воззваниями — со всем тем, что называется *деловой речью*. В теории речевых жанров М. Бахтина деловая речь, жанр делового письма характеризуются как особые, имеющие определенное тематическое содержание и некий языковой стиль. В них вынужденно происходит отбор словарных, фразеологических и грамматических средств, равно как соблюдается особая композиция.

Обратимся к короткому *письму Наполеона к Кутузову от 30 октября 1812 года* после долгого периода молчания^{viii}.

«Monsieur le prince Koutouzov, j'envoie pres de vous un de mes aides de camps généraux pour vous entretenir de plusieurs objets intéressants. Je desire que votre altesse ajoute foi a ce qu'il lui dira *surtout lorsqu'il exprimera les sentiments d'estime et de particuliere consideration que j'ai depuis longtemps pour sa personne...* Cette lettre n'étant à autre fin je prie dieu, Monsieur le prince Koutouzov, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

Moscou, le 30 Octobre, 1812.

Signe: Napoléon»

«Князь Кутузов, посылаю к вам одного из моих генерал-адью тантов для переговоров с вами о многих важных предметах. Про шу вашу светлость верить *всему, что он вам скажет, особенно когда станет выражать вам чувствования уважения и особенного почтения, питаемые мною к вам с давнего времени*. За сим молю бога о сохранении вас под своим священным кровом.

Москва, 30 октября 1812.

Наполеон»

Какую оценку этому письму дает сам Лев Толстой? Команду ющий войсками, метафорически обозначенный как *подбитый под Бородиным зверь*, пишет русскому военачальнику *первые пришедшие в голову слова, не имеющие никакого смысла*.

То, что в письме мы обозначили курсивом, а именно уверения в чувстве уважения и особенного почтения, должно свидетель ствовать о том, что князь Кутузов совершенно не воспринимается Наполеоном как враг, скорее, как герой. Однако Кутузов посчи тал в той конкретно исторической ситуации это письмо оскорби тельным и ответил по-французски: «*Я был бы проклят, если бы на меня смотрели как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки: такова воля нашего народа*». Кутузов, конечно, отдает себе отчет как дружны были Александр и Наполеон, какие теплые симпатии еще недавно они питали друг к другу, однако он не царь, а главнокомандующий.

Между тем известно, что 19 марта 1865 г. Толстой записал в своем дневнике: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сде лать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю - роман Александра и Наполеона. Вся подлость, *вся фраза*, все безумие, все противоречие людей их окружавших»^{ix}. («Вся фраза», т. е. риторика. Писатель в романе выступает как ученый исследователь фразеологической паутины.)

Помня ли, зная ли о французском эпосе, о Роланде и его отчине Ганелоне, Кутузов ответил Наполеону не как предатель Ганелон, а как Роланд или, точнее, князь Игорь. По этому поводу заметим, что Д.С. Лихачев подчеркивал большое сходство архетипов национального менталитета, авторского мышления в двух национальных эпосах. Он заметил многие черты типологической близости: вещие сны, знамения, приметы, заботливое перечисле ние военной добычи, сходство героев и многое другое. Напри мер, трагичность поражения в этих эпосах усугубляется тем, что «войско идет навстречу неминуемой гибели, но не может вернуться из-за высокого чувства чести князя и дружины»^x.

Кутузов оценил принесенную ему в послании дань уважения, но как бы заранее отказался от возможных (вероятно, могущих последовать) сепаратных предложений, причем сделал это, со славшись на то, что он назвал (*l'esprit actuel de ma nation*). В авторском переводе это звучит как *воля нашего народа*, хотя сто ящее в оригинале

слово *esprit* более соответствует духу, и даже тому, что Жермена де Сталь называла *энтузиазмом* (ее слово), связывая эти свойства исключительно с проявлениями ментали тета русской нации, с тем особенным чувством, которое, по ее мнению, можно уловить только у русских. Этот психологический фактор, уловленный *романтическим сознанием*, подчеркнул для своего времени механизм интерпретации (соотнесения, отождествления) личностью опыта познания людей. Писатели-романтики, первые в XIX столетии, как психологи, обратили внимание на разницу этнических стереотипов, т. е. на устойчивые, упрощенные, зачастую ошибочные представления о человеке как представителе конкретной этнической общности. Наполеон в соответствии со своими представлениями о принцах (князьях) и о тех, кто хочет ими стать, пытается мерить Кутузова по себе, не чувствуя эмоциональную сферу объекта. Он включает Кутузова в свой внутренний мир и полагает, что у русского командующего одинаковые с ним нормы и ценности. Наполеон делает ошибку не только в оценке полководца, но и всего русского народа (вот парадокс!), хотя и подневольного, но в целом вольнолюбивого.

Попробуем теперь провести анализ этого письма в соответствии со схемой *анализа текста делового сообщения*, где осуществляется речевой акт, понимаемый как способ достижения человеком определенных целей. Он состоит из *пяти компонентов*: отправителя сообщения (Наполеон), адресата сообщения (Кутузов), формы контакта (письмо), характера референции (попытка установления контакта), способа кодирования информации (перевод эмоции — недоумения по поводу молчания фельдмаршала — на язык делового сообщения).

Анализ делового сообщения проводится с точки зрения жанровых особенностей: тематического содержания, включающего *номинативное и коммуникативное содержание*, композиционных характеристик и языковых средств выражения содержания.

К номинативному содержанию относится совокупность элементов ситуации объективной действительности, присутствующих в сознании отправителя, отражающихся в тексте и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого текста. Номинативное содержание делового письма включает в себя данные об отправителе и адресате; входящие и исходящие данные письма; дату написания; обращение; заголовок к тексту; ссылку на дату-событие другого письма; событие как предметное содержание; определенную форму вежливости; подписи (разные); ф.и.о. подписывающего письмо.

Оценим теперь вышеприведенное письмо, отправленное Кутузову с Лористоном (Александр-Жак-Бернар Лористон, 1768-1828, — был недолго (в 1811 г.) французским послом в Петербурге, сразу после А.О. Коленкура, прослужившего с 1807 по 1811 гг. Последний оставил описание наполеоновской кампании о России, которое Л. Толстой знал, но которым он не воспользовался). С точки зрения *жанра*, это скорее *дружественное послание* или записка, которую *номинативно* можно охарактеризовать следующим образом:

1. Письмо Наполеона Кутузову.
2. Лагерь Наполеона — ставка Кутузова в Тарутине.
3. 30 октября 1812 г. (по старому стилю), или 17 октября по-новому, день Иконы Божией матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» (1827) и «Избавительницы».
4. Князь Кутузов (Monsieur le prince Koutousov).
5. Просьба об оказании доверия генералу Лористону.
6. Специальных ссылок на предыдущие сообщения нет, но по тону письма чувствуется, что взаимное общение между Наполеоном и Кутузовым имело место. Данное письмо не первое послание французского главнокомандующего русскому.
7. Нет слов о предшествующем данному письму событию — о Бородинском сражении, тем более о признании победы русских на Бородинском поле.
8. Необычно длинное выражение симпатии и полная учтивость в отношении русского командующего.
9. Объявление о подписи (signe) и приложение руки Наполеона, (что заставляет задать вопрос, кто действительный автор письма. Диктовал ли его Наполеон или оно ему было предложено для подписи?).

Теперь с точки зрения *характера коммуникации* можно отметить:

1. Очень неуверенное отношение адресанта к сообщению и другому участнику коммуникации, адресату (из чего, видимо, следует удвоение обычной фразы клише выражении учтивости).

2. Письмо написано в рамках деловой лексики (личное предложение и адрес Кутузова граничит с вызовом).

Известно, что отношение Л.Н.Толстого к движущим силам истории менялось, то он утверждал роль личности и истории, то отрицал ее, приходи к мысли о стихийном, «роевом» начале народной жизни. Документы, мемуары и письма были для него все гда безмерно важны. Он утверждал: «Для меня это ключ, отпирающий не столько историческую, сколько психологическую дверь» (Письмо В.В. Стасову).

Прямое побуждение к использованию французской речи в письмах, посланиях и записках у Толстого идет от его штудий следующих книг: «Идей Наполеона» (Idées Napoleoniennes) Наполеона III, «Мемуаров со Святой Елены» (Memorial de Saint-Helene) графа де ла Каза, а также «Воспоминаний Мармона, герцога Рагузы» (Memorial de Maremont, duc de Raguse). Список изученных Толстым книг совпадает с теми, что исследовал Стендаль, занимаясь своим «Наполеоном», в реальной близости от которого он находился^{xi}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Фойер К. Б. Генезис «Войны и мира». М., 2002. С. 30.

ⁱⁱ Чичерин А.В. Толстой // Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977. С. 227.

ⁱⁱⁱ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 14т. М., 1951. Т. 7. С. 6.

^{iv} Там же. С. 9

^v Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Л., 1928. Т. II. С. 11-12.

^{vi} Успенский Б.А. Точки зрения в плане фразеологии // Поэтика как позиция. М., 1970. С. 89.

^{vii} Там же. С. 53.

^{viii} Толстой М. Н. Указ. соч. С. 73.

^{ix} Там же. С. 355.

^x Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1970, С. 18.

^{xi} Тимашева О.В. Три Наполеона // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы, М., 2001. С. 245.